

ВОЖДИ И ДОЖДИ

Известия - 2006 -
30 авг. - с. 10.

В Новом Манеже почтили 100-летие Дмитрия Налбандяна — придворного живописца трех генсеков и лирика в душе

К выставке привлекли Третьяковскую галерею и Исторический музей, где хранятся эпохальные полотна юбиляра. А пейзажи и натюрморты представлены частными собирателями. Что неудивительно: произведения Налбандяна — весьма ходовой товар на сегодняшнем антикварном рынке.

ДМИТРИЙ СМОЛЕВ

Мало кто знает, что в самом центре Москвы, на Тверской, по-прежнему существует мемориальная мастерская Дмитрия Аркадьевича. На закате жизни maestro осуществил дальновидную сделку, подарив городу часть своих работ в обмен на музейный статус помещения. Иные усматривали в этом жесте столичных властей признаки ползучего реванша, но, думается, все обстояло проще. Нетрудно было предвидеть, что интерес к творчеству Налбандяна вернется — интерес не идеологический, а коллекционерский. Все-таки речь идет о видной фигуре эпохи соцреализма, являвшего собой, как ни крути, законченный и ярко выраженный стиль.

Так и вышло. В последние годы произведения Налбандяна достаточно высоко котируются на антикварных аукционах, правда,

среднего класса. Для Sotheby's и Christ's это нетипичный «репертуар». Цены на крупноформатную живопись Налбандяна могут выражаться в десятках тысяч долларов (известный максимум — \$60 000), хотя чаще торгуют рисунками и этюдами. Основные хиты вроде «Сталина у гроба Ленина» или «Малой земли» еще при жизни автора осели в музеях. Раскручиваемый нынче бренд — это Налбандян-лирик, изысканный пейзажист и мастер сочного натюрморта. Любил Дмитрий Аркадьевич в перерывах между высочайшими заказами изобразить лодочки в крымской бухте или букет ромашек на подоконнике. Вообще-то подобная практика была распространена среди бонз официального искусства и даже получила ироническое наименование «социалистический импрессионизм», но Налбандян особенно выделялся на этом поприще. Лирику он гнал без устали, словно хотел реабили-

тироваться перед искусством за портреты вождей и орденоносных доярок.

В работах «для души» он позволял себе включать колористические способности, чего в монументальных полотнах не замечалось. На выставке можно легко обнаружить это отличие. Вот «Ленин в Горках», строчащий заветы соратникам по партии; вот незыблемый, как скала, Иосиф Виссарионович в окружении тех самых соратников — вернее, тех, кто выжил; вот мечтательный Хрущев в тихом кабинете, а по соседству сосредоточенный Брежнев, написанный в последний год его жизни. Во всех случаях живопись постная, не идущая ни в какое сравнение с кавказскими пейзажами или «настроенческими» видами мокрых улиц после дождя. Если и ободрял себя Налбандян соображениями вроде того, что Леонардо с Веласкесом тоже состояли придворными живописцами, то не мог не видеть: его парадные опусы слишком казенны и наверняка мимо искусства.

Еще одним удручающим для автора моментом было то, что в иконографии вождей он не являлся первопроходцем. Путь от тифлисской мультипликационной студии до кремлевского порога занял немало времени. Вершин своего положения Налбандян достиг уже после войны, когда каноны соцреализма обрели догматическую застылость. Оставалось лишь варьировать схемы, разработанные предшественниками. Так и работал Дмитрий Аркадьевич, даже в 70-е годы, по чужим образцам многолетней давности, получая звания и награды. Любопытно, что теперь, на волне коммерческого интереса, его иногда объявляют наследником великих традиций российской живописи. Имея в виду, конечно, те самые лодочки и цветочки, а не вождей в ореоле славы. Что ж, лодочки и цветочки действительно симпатичные. Вероятно, они стоят тех денег, которые за них готовы платить. Но великую живопись лучше сюда все-таки не приплетать, даже в рекламных целях.

Новое поколение без пиетета расслабляется под ПОРТРЕТАМИ ВОЖДЕЙ